

Для Юань Чжэнчу первая фраза, которую Цуй Сянь произнёс после чудесного спасения от смерти, прозвучала так, будто тому только что отшибло мозги взорвавшейся крышкой гроба.

Но, опустив взгляд на перепачканного землёй Цуй Сяня, который при этом совершенно серьёзно смотрел на него, Юань Чжэнчу всё же коротко ответил:

— С детства учился у наставника. Двадцать пять лет обучения, а теперь закончил и вышел в мир.

Ответ оказался совершенно неожиданным для Цуй Сяня. Выходило, что этот человек даже на три года младше него. Не может быть. Либо его воспоминания ошибочны, либо это вовсе не тот же самый человек.

Юань Чжэнчу не обратил внимания на странный взгляд, которым Цуй Сянь продолжал его разглядывать, и достал из-за пазухи спящего маленького кота, жестом показывая, чтобы тот забрал его. Цуй Сянь тут же отбросил лишние мысли и осторожно принял кота. Тогда всё произошло слишком внезапно: когда чёрный кот исчез, он решил, что он просто убежал. Кто бы мог подумать, что он отправился искать помощь, да ещё и получил такие тяжёлые раны.

Теперь, когда он вспомнил, откуда всё началось, скрывать это от Юань Чжэнчу уже не стал. Прямо у него на глазах Цуй Сянь прокусил кончик пальца и стал кормить спящего кота своей кровью, точно так же, как делал в детстве.

— Сяо Ба, Сяо Ба? Просыпайся. Пойдём домой.

Спустя столько лет, услышав знакомый зов, чёрный кот открыл жёлто-оранжевые глаза. Первым делом он, хоть и без сил, всё-таки царапнул Цуй Сяня, явно сердясь на этого типа за то, что тот наконец-то соизволил его вспомнить. А затем уже ласково потёрся головой о его ладонь.

Где был Цуй Сянь, там и был его дом.

Через несколько часов, едва начало светать, в старой усадьбе Цуй Сянь уже стоял на коленях у входа, обнимая мусорное ведро и отчаянно блюя.

Сяо Ба забрался обратно в своё одеяло с Доразмоном и зализывал раны. Увидев эту картину, он счёл её до того позорной, что просто свернулся клубком - с глаз долой, из сердца вон. Укачивание в машине он ещё встречал, но чтобы кого-то укачало от полёта на мече - такого не видел.

Юань Чжэнчу сидел у колодца в старом доме с мрачным, почти почерневшим лицом. На нём была дешёвая пижама Цуй Сяня со Спанч Бобом, а сам он набирал воду и яростно отстирывал своё ритуальное одеяние. Он страшно жалел об одном: не надо было тащить этого идиота с

собой на мече!

Когда всё закончилось, а настоящего виновника поймать так и не удалось, вокруг были лишь дикие горы да заброшенные могилы. Чтобы наверняка обеспечить Цуй Сяню безопасность, Юань Чжэнчу решил просто взять его с собой и на мече вернуться в старую усадьбу рода Цуй в Чжоушане.

Кто же знал, что тот опять его облюёт.

А почему «опять» - это прекрасно показывал лежавший рядом Шэньцюэ Инь и Ян. Меч выглядел так, будто окончательно умер: ни малейшей духовной волны, лишь безысходно отмокал в прохладной колодезной воде.

Цуй Сянь сходил в душ и наконец немного пришёл в себя. Украдкой покосившись на Юань Чжэнчу, он увидел, что тот даже его убогую пижаму умудрился носить так, будто это модель с показа высокой моды. Пижамы оказались ему маловаты, пуговицы не сходились, полы распахивались, и стоило лёгкому ветерку подуть, как открывавшийся вид становился просто убийственным и до неприличия соблазнительным.

Цуй Сянь опустил голову, пощупал свои несколько едва намеченных кубиков пресса и вдруг почувствовал себя несколько неуверенно. Когда-то он всё-таки считался одной из красивых мордашек индустрии развлечений, а сегодня его просто мгновенно затмили. С виду этот человек был почти нежным красавчиком, а под одеждой всё тело оказалось туго набито мышцами: узкая талия, мощная спина - совсем не то, что обычно накачивают в спортзале. В нём чувствовалась какая-то естественная, трудно объяснимая сила.

Позавидовав и вдоволь полюбовавшись, Цуй Сянь весьма благоразумно подошёл, подхватил из таза край ритуального одеяния и вместе с Юань Чжэнчу принялся его оттирать.

— Извини. Я просто впервые испытал такое развлечение на высоте. В следующий раз привыкну.

Хотя никакого «следующего раза», возможно, и не будет. Но Цуй Сянь всё же считал, что ответственность тут была на обоих. Он-то думал: раз уж полёт на мече настолько крутая и волшебная вещь, то наверняка лететь будет плавно и удобно.

Кто же мог ожидать, что Юань Чжэнчу стартует на мече как ракета из пусковой установки - рывок такой, будто тебя вдавливают в кресло изо всех сил. Весь путь получился примерно так: тело летит впереди, душа из последних сил догоняет сзади.

Ощущения незабываемые.

Они устроились у колодца - один сидел, другой присел на корточки. У ног лежал кусок

хозяйственного мыла «Дяопай»: даже мыльницы не нашлось, поэтому его пришлось положить прямо на пластиковую упаковку. Ведро для воды немного протекало, и обувь у обоих уже промокла.

Ранние птицы щебетали, шелковица у ворот покачивалась на ветру, а на кончиках травинок блестела утренняя роса. Эта до крайности будничная, домашняя сцена каким-то образом удивительно гармонично смотрелась рядом с двумя людьми, которые сами по себе совершенно не производили впечатления созданных для подобной повседневности.

Возможно, именно эта обыденность немного стёрла границы между ними. Цуй Сянь некоторое время колебался, но всё же заговорил:

— Я хочу попросить тебя об одном.

Юань Чжэнчу взглянул на сосуд для души, висевший у Цуй Сяня на шее на красном шнурке. Прошлой ночью Цуй Сянь проглотил призрачную душу и буквально силой заключил почти рассеявшегося маленького духа в сосуд, сохранив ему последний шанс. Случай был редкий, метод - необычный, и совершенно очевидно, что у него имелась преемственность и переданное учение.

Оба это прекрасно понимали без слов. Цуй Сянь решил заговорить первым:

— Эту душу я в любом случае должен спасти. Но, как ты знаешь, у меня нет магической силы.

Юань Чжэнчу отложил наполовину выстиранное ритуальное одеяние и немного выпрямился.

— Хорошо подумал? Выпущенную стрелу уже не вернуть.

Некоторые вещи, стоит однажды начать, уже не позволяют повернуть назад. В мире мистических искусств это особенно верно: стоит причинно-следственной связи опутать человека, и он уже не сможет оставаться обычным. Даже если у Цуй Сяня не было магической силы, стоит ему открыть алтарь, и это будет означать, что он принял на себя обязанность Судьи рода Цуй. После этого остаться в стороне будет уже нелегко.

Цуй Сянь опустил голову. Порой стоило ему на мгновение задуматься, как перед глазами вновь возникала окровавленная ладонь отца, закрывавшая ему взгляд, и звучали сказанные у самого уха слова:

— Стань обычным человеком. Живи простой жизнью.

Вода здесь была слишком глубока. Он едва коснулся этого мира и уже чуть не погиб у храма Туди под воем целой толпы призраков.

Поэтому Цуй Сянь спокойно покачал головой:

— У меня ничего нет. Все духовные меридианы в теле оборваны, совершенствоваться я не способен, даже защитить себя не могу.

Юань Чжэнчу кивнул. Этот парень, по крайней мере, хорошо понимал собственные пределы. С тех пор как он покинул горы, Юань Чжэнчу тоже довольно долго разыскивал следы рода Цуй и по пути столкнулся со многими вещами. Постепенно он начал смутно понимать, почему даже его наставник больше не желал возвращаться в мир и почему о линии Цуй предпочитал вовсе не говорить.

Слишком тяжёлой была лежавшая на них причинно-следственная ноша, слишком глубоко она переплеталась со всем миром мистических искусств.

Но некоторые дела всё равно кто-то должен был делать. А были и такие, которые могла выполнить только линия Судей.

— Сколько у человека душ и сколько по?

Цуй Сянь замер и машинально ответил:

— Три хунь и семь по.

Юань Чжэнчу спросил снова:

— Какие три хунь?

— Небесная душа, земная душа и человеческая душа, — механически ответил Цуй Сянь, словно это знание было вбито в него на уровне инстинкта.

— После смерти человека куда отправляется каждая из трёх душ?

— Небесная душа остаётся на Небе, земная возвращается в Море кармы, человеческая душа... человеческая...

Ответ уже вертелся у Цуй Сяня на языке, но по какой-то причине он никак не мог произнести его.

Юань Чжэнчу, продолжая отстирывать ритуальное одеяние, сам ответил:

— Человеческая душа входит в шесть путей перерождения. После воздаяния за добро и

наказания за зло, завершив круг причин и следствий и переродившись, три души вновь соединяются, а семь по рождаются заново.

После смерти человека три хунь каждая возвращались на своё место, а семь по оставались в мире людей - в могиле и гробу, где со временем постепенно истончались и рассеивались, вновь возвращаясь в Небо и Землю. Но неизвестно с какого дня Преисподняя, ведавшая заслугами и прегрешениями человеческих душ и шестью путями перерождения, вдруг стала недоступна. Более того, призрачные посланники перестали приходить, чтобы уводить души умерших. Мир мгновенно погрузился в хаос: живые и мёртвые смешались, скверная ци начала сгущаться и застаиваться.

Однако Небо не перекрывает человеку все дороги. Оставалось одно место, способное соединяться с царством духов и помогать мёртвым душам отправляться на перерождение, - место, где находился род Цуй. Поэтому представителей рода Цуй называли земными проводниками Преисподней, а сами они именовали себя Судьями.

Но сто лет назад старая усадьба рода Цуй внезапно закрылась. Ещё через несколько десятилетий исчез глава линии Цуй, после чего весь род начал стремительно приходить в упадок, словно сухая трава под ураганом. И вот теперь не осталось даже одного полноценного наследника.

Теперь, когда наконец нашёлся хоть один всё ещё живущий в этом мире «Судья», оказалось, что Цуй Сянь больше двадцати лет был запечатан техникой запечатывания души и скрыт среди обычных людей, жил тайно, не обладая ни крупицей магической силы. Все его духовные меридианы были повреждены, словно дырявый сосуд, неспособный удержать воду; в этом отношении он был даже хуже обычного человека.

— Мир мистических искусств умеет умирять души и уничтожать их, но не способен проводить их дальше и спасать. Маленький дух в сосуде у тебя на шее - это человеческая душа, осквернённая нечистой ци этого мира и уже почти готовая рассеяться. Единственный способ спасти его - очистить скверну, разрушить одержимость и отправить его в шесть путей перерождения.

Договорив, Юань Чжэнчу остановился, поднял голову и серьёзно посмотрел на Цуй Сяня.

— Я не могу. Высокочитимые наставники Лунхушаня не могут. Никто во всём мире мистических искусств не может.

Цуй Сянь застыл, потрясённый этой правдой. Наконец многое начало вставать на свои места: бесчисленные нити сошлись в одной точке, и, возможно, именно здесь скрывался источник всего произошедшего.

Сердце у него гремело, словно барабан, во рту пересохло.

— А я могу?

Юань Чжэнчу посмотрел на него почти с жалостью.

— Да. Ты можешь.

<http://bllate.org/book/18411/1950637>